

⁴ Пудалов Б.М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608—1612 гг. Историографический очерк. Н. Новгород, 2011. С. 11—13, 30, 69; Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 32.

⁵ Подробнее см.: Семёнов О.В. К вопросу о позиции Перми Великой в годы

Смуты // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29—30 октября 2004 г.). Н. Новгород, 2005. С. 36—45.

Евгений Крестьянников

Рец. на: В.А. Воропанов. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI — первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М.: Проспект, 2017. 192 с.

Evgeniy Krestyannikov
(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: V.A. Voropanov. Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskogo gosudarstva v XVI — pervoi polovine XVIII v. (na primere oblastei Povolzh'ia, Urala i Zapadnoi Sibiri). Moscow, 2017

DOI:

Челябинский историк В.А. Воропанов, известный своими монографиями о судебной системе на Урале и в Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в.¹, в новом исследовании осветил организацию правосудия в восточных регионах Российского государства в предшествующий период. В то время у юстиции не было стройной структуры и функциональных рамок, судебные полномочия должностных лиц тесно переплетались с административными (особенно в XVI—XVII вв.), распространяясь по мере расширения границ на громадное гетерогенное пространство, включавшее ряд областей бывших государственно-политических образований — Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Вятской земли, Перми Вычегодской и Перми Великой, а также смежные с ними территории Урала и Западной Сибири.

Воссоздавая целостную картину провинциальной юстиции, автор пишет о сложной «полифонии» разнообразных юрисдикций, уникальных местных условиях и неодинаковых в различных частях страны действиях центральной администрации, влиявших на организацию суда. В первой главе (с. 4—79) анализируется судебно-правовая политика XVI—XVII вв., учитывавшая особенности и традиции, которые существовали на недавно подчинённых территориях. Их жители были подсудны Новгородской четверти и Приказу Казанского и Мещёрского дворца, наместники и, позднее, воеводы в областях, удалённых от столицы или подчинённых силой оружия, пользовались большей властью (в частности, до 1669 г. астраханские, пустозёрские и тобольские воеводы обладали исключительным правом применения смертной казни и разбора крупных имущественных

исков), однако в Северном Приуралье правосудие оставалось в ведении органов самоуправления местных общин, а в Среднем и Нижнем Поволжье представители населения принимали участие в процедурах «официального» суда. В XVII в. усиление централизации государственного управления выразилось в установлении контроля воевод над деятельностью остальных судебных инстанций.

Во второй главе (с. 80—124) прослеживается реформирование местной юстиции в первой четверти XVIII в. Поскольку оружейные и пороховые предприятия, а также корабельные леса находились тогда в ведении центральных органов военного управления, им же оказались подсудны владельцы и служащие этих заводов и группы населения, отбывавшие на них особые повинности. К примеру, служилые татары подлежали суду Казанской адмиралтейской конторы (за исключением тяжких преступлений) и т.д. В третьей главе (с. 125—180) обстоятельно показано законодательное регулирование организации правосудия в регионе при преемниках Петра I, правовое закрепление судебной автономии коренных народов Сибири и влияние сословного, этнического и конфессионального состава населения на определение юрисдикции воевод и губернаторов. При этом в индивидуальных инструкциях астраханскому и сибирскому губернаторам и уфимскому воеводе традиционно содержались лишь лаконичные рекомендации относительно судопроизводства.

Вместе с тем автор отмечает влияние местной специфики на организацию правосудия, в частности в Башкирии, Калмыкии и Астраханской губ. Если туземное население Сибири зависело от воеводских судов исключительно в делах о тяжких преступлениях, то на Южном Урале самоуправление башкир, оказавших воору-

жённое сопротивление Оренбургской экспедиции, было существенно ограничено. Развитию торгово-экономических отношений и хозяйственной колонизации края способствовало учреждение в Оренбурге магистрата, которому надлежало в своей судебной практике придерживаться принципа нормативно-правового плюрализма. В Нижнем Поволжье схожие функции выполнял подчинявшийся губернской канцелярии «ратсгауз», учреждённый в качестве суда первой инстанции для членов диаспор — как российских подданных, так и торговых гостей. Государство готово было даже гарантировать исполнение решений шариатских судов, официально дополнявших местную судебную систему. И если в Оренбургском крае этому мешали мятежи, то в Астрахани продолжалась соответствующая работа Конторы татарских и калмыцких дел. В Калмыкии правительство планомерно наращивало присутствие своих представителей, систематически вмешивавшихся в осуществление правосудия.

Автор уделил особое внимание изменениям в системе органов административной юстиции, а также устройству церковных и военных судов в восточных провинциях России. В Поволжье, на Урале и в Сибири судебной властью обладали Казанская адмиралтейская контора, Канцелярия главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов, Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства. Соответствующие органы имелись в составе казачьих формирований — Астраханского полка, Волжского, Калмыцкого, Оренбургского, Яицкого войск. В результате искусственной трансформации кочевых правовых традиций возник «Калмыцкий суд», учреждённый в Ставрополе-на-Волге для общины крещёных калмыков.

Возможно, по разнообразию охваченных проблем монография В.А. Воропанова уступает фундаментальному труду Н.Ш. Коллманн², заслужившему высокую оценку отечественных специалистов и признанному ими в качестве «бесспорно выдающегося, не имеющего на сегодня аналогов исследования по истории уголовного права и уголовного процесса в России конца XV — первой четверти XVIII веков»³. Однако историки решали разные задачи: американскую исследовательницу больше интересовала правоприменительная практика и уголовно-правовые санкции, тогда как структуры местных судов остались в её работе на втором плане. Между тем именно им посвящена книга Воропанова, явно не предназначенная «для широкого круга читателей», написанная даже чрезмерно академично и рассчитанная на специалистов. В ней нет захватывающих рассказов про топоры и кровоточащие раны, вырезанные языки и смертоубийственные костры, какие можно найти у Коллманн⁴, но, разумеется, это отнюдь не умаляет её существенного вклада в историографию.

Примечания

¹ *Воропанов В.А.* Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780—1869 гг. Челябинск, 2005; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008; *Воропанов В.А.* Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016.

² *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России Раннего Нового времени. М., 2016.

³ *Большакова О.В.* Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // *Российская история.* 2016. № 6. С. 151; *Серов Д.О.* Nancy Kollmann, Crime and Punishment in Early Modern Russia // *Cahiers du monde russe.* Vol. 55. 2014. № 3—4. P. 345, 348.

⁴ *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание...; *Kollmann N.Sh.* Representing Legitimacy in Early Modern Russia // *The Russian Review.* Vol. 76. 2017. № 1. P. 21.